

ЮРИЙ ШИБЛЕВ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

WELCOME

18+

Юрий Шиблев

Добро пожаловать

<https://litres.ru/74114086>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о тех, кто находится рядом с вами. Пока вы читаете, смотрите смешные видео и пьёте кофе — кто-то решает вопросы. Пока вы спите — кто-то умирает в одиночестве. Пока вы листаете ленту — кто-то продаёт себя, потому что больше нечего продать.

Грязь и жизнь без прикрас всегда рядом.

Добро пожаловать.

Юрий Шиблев

Добро пожаловать

ПАША. КУХНЯ

Я всегда просыпаюсь не по будильнику. Тело само знает, когда открыть глаза. Пять лет. В один и тот же час. Мышцы помнят, даже когда мозг ещё спит. Шесть утра. Всегда шесть утра, даже если лёг в три, даже если не спал совсем. Эдакий биологический будильник, встроенный в каждого, кто живёт по графику района. Район никогда не даёт сбоев. Я тоже.

Лежу и смотрю в потолок. Трещина на побелке, как старая, знакомая, как карта местности, которую я никогда не покину. Она похожа на реку без устья, на дорогу, которая никуда не ведёт. Я изучал её сотни раз. Зимой она темнеет от сырости — влага проступает из бетонных швов, и трещина набухает, становится шире, темнее, как вена на стареющей руке. Летом, в жару, она почти исчезает — побелка высыхает, сжимается, и река превращается в тонкий волосок. Сейчас осень и трещина серая, с жёлтым отливом от сигаретного дыма, который вьелся в побелку за пять лет. Местами по краям — микроскопические кристаллы соли. Сырость.

Я знаю эту трещину лучше, чем своё лицо. За пять лет я выучил каждый её изгиб, каждый поворот. Иногда мне ка-

жется, что она растёт. Иногда — что она была здесь всегда, еще до меня, до этой квартиры, до этого дома. Может, она и есть единственное живое существо в этой комнате.

Пять лет. Я все время говорю себе «на годик». Говорил так в первый месяц. Во второй. В третий. На четвёртый перестал. Слова потеряли смысл где-то между вторым вызовом и третьим. Я перестал считать вызовы, перестал считать дни. Остались только утра, когда я просыпаюсь и смотрю в потолок. И вечера, когда я возвращаюсь и ложусь. Между ними — работа. Вызовы. Лица. Грязь. Кровь. Сперма. Рутин.

В комнате холодно. Окно закрыто неплотно, сраная щель в раме, которую я собираюсь починить. Собираюсь. Когда-нибудь. Я даже купил утеплитель год назад. Он лежит на антресолях, до сих пор в упаковке. Сквозняк тянет по ногам, забирается под одеяло. Я чувствую его кожей — холодный, настойчивый, как напоминание о том, что зима близко. Пора утепляться. Но я конечно же не буду. Я знаю, что не буду. За пять лет я научился терпеть холод. Терпеть, это вообще единственное, чему я научился за эти годы.

Встаю. Босые ноги на линолеуме. Линолеум старый, советский, местами протёртый до бетонной стяжки. Рисунок — цветы, которые уже не цветы, просто серые разводы на сером фоне. Под пятками — холод. Всегда холод. Я мог бы

купить тапочки. Маша предлагала. Я отказался. Холодный пол по утрам — это часть ритуала. Он помогает проснуться. Он напоминает мне, что я ещё жив.

Квартира съёмная. Чужая. Здесь всё чужое: мебель из дешёвого ДСП, посуда с трещинами, запахи старых хозяев, которые не выветриваются годами. Только трещина на потолке — моя. Я присвоил её. Я смотрю на неё каждое утро, и она стала частью моего внутреннего пейзажа. Если я когда-нибудь уеду, я буду скучать по ней больше, чем по людям.

Кухня. Плита старая, газовая, конфорка загорается с третьей попытки — щёлкает, шипит, вспыхивает синим пламенем с жёлтыми язычками по краям. Я ставлю турку. Медную, старую, с деревянной ручкой, которая потемнела от времени. Кофе это единственное, что я делаю правильно. Медленно, по утрам, когда никуда не спешу. Вода нагревается, пенка поднимается — сначала по краям, пузырьками, потом сплошной коричневой шапкой. Запах заполняет кухню — густой, горьковатый, настоящий. Не растворимая бурда, которую пьют в ларьках и офисах. Я вдыхаю этот запах и на секунду чувствую себя живым. Это единственная секунда за день, когда я что-то чувствую.

Сажусь за стол. Достаю сигарету. Пачка помятая, влажная от вечной сырости. Щелчок зажигалки — колёсико трётся о

ремень, газ вспыхивает. Огонёк дрожит на сквозняке. Первая затяжка — самая резкая, дым царапает горло, горячий, сухой. Я выдыхаю в потолок. Струйка дыма поднимается к трещине, к реке, которая никуда не впадает. Дым касается побелки, растекается, исчезает. Как всё. Как все.

Пепельница полная. Окурки лежат слоями — вчерашние, позавчерашние, недельной давности. Некоторые погасли сами, некоторые раздавлены. Пепел серый, жирный на ощупь. Надо бы вытряхнуть. Не сегодня. Я всегда говорю «не сегодня». Пять лет говорю.

Окно выходит во двор. Девятиэтажка напротив это облупленная, с ржавыми пожарными лестницами, с трещинами в кирпичной кладке. Детская площадка с покосившимся бетонным грибком, который должен был защищать от дождя, но уже никто под ним не сидит. Лавочки были деревянные, с облезшей краской, с вырезанными ножом именами. Сейчас пусто. Через час появятся первые алкаши — те, что ночуют дома. Они выйдут с чекушками, завёрнутыми в полиэтилен, сядут на лавочки, будут говорить о политике, о футболе, о том, как всё плохо. Я знаю их всех. В лицо. По именам. По голосам, которые слышно через открытые окна — тёплым летом, когда душно и все створки нараспашку. Они знают меня. Я — Паша. Тот, кто решает вопросы. Тот, кто приезжает, когда зовут.

Мы не здороваемся. Зачем? Мы и так всё друг про друга знаем. Кто пьёт, кто бьёт жену, у кого сын сидит, у кого дочь в борделе. Район — это коммуналка. Стены тонкие. Жизнь просвечивает насквозь, как свет через мутное стекло.

Телефон лежит на столе. Экран тёмный — чёрный прямоугольник с трещиной в углу. Я смотрю на него и думаю о том, сколько раз этот кусок пластика и стекла оживал за пять лет. Сотни. Тысячи. Маша. Коля. Лёха-таксист. Кого-то избили. Кого-то обокрали. Кто-то не может договориться. Кто-то стоит на мосту и смотрит вниз, в тёмную воду, и думает прыгнуть или ещё подождать. Тогда звонят мне и я решаю вопросы. По крайней мере так все говорят. Я не решаю. Я просто приезжаю. Этого достаточно. Иногда — просто быть. Иногда — просто стоять рядом. Иногда — просто курить и молчать.

Я думаю о том, сколько лиц я видел за эти годы. Они сливаются в одно — размытое, как отражение в грязной луже. Алкаши с сизыми носами и трясущимися руками. Наркоманы с точками на венах и пустыми зрачками. Ветераны с медалями и глазами, которые видели смерть. Подростки с ножами и верой в то, что они бессмертны. Женщины с разбитыми лицами — синяки, ссадины, заплывшие глаза. Мужчины с пустыми глазами — они уже умерли, просто ещё хо-

дят. Все они звонят. Все они ждут. Ждут, что кто-то приедет и всё исправит. А я приезжаю. Смотрю. Иногда бью. Чаще всего нет.

Сегодня тихо. Телефон молчит. Редкое утро. Я пью кофе. Горячее обжигает язык — я чувствую, как немеет кончик, как тепло разливается по нёбу. Я смотрю в окно. На серое небо, которое было низкое, тяжёлое, как ватное одеяло. На мокрый асфальт — чёрный, блестящий, с лужами, в которых отражаются панельки. На пустые лавочки. Думаю: может, в этом и есть смысл? Не в том, чтобы решать вопросы, а в том, чтобы просто быть. Просто сидеть на кухне. Просто пить кофе. Просто смотреть на трещину в потолке. Может, это и есть жизнь? Не та, о которой мечтал. Не та, которую планировал, когда учился в институте, когда работал менеджером, когда верил, что уеду отсюда. А та, которая случилась. Которая вот сейчас, этот холодный пол, газовая плита, трещина на потолке.

Телефон вибрирует. Звук низкий, басовитый — он дребезжит о стол, и этот звук я знаю так же хорошо, как трещину на потолке. Маша.

«Привет, как ты? Заедешь сегодня?»

Я смотрю на экран. Буквы белые на чёрном фоне. Допи-

ваю кофе. Горячее уже остыло, я как обычно не заметил когда это случилось. Гуща на дне, горькая, тёплая. Набираю ответ. Палец касается экрана — холодного, гладкого, безразличного. Экран чуть дрожит под пальцем.

«Привет, нормально. Заеду».

Встаю. Одеваюсь. Куртка пахнет бензином и табаком, этот запах, который я знаю лучше чем запах собственного тела. Кожа на локтях протёрлась, молния заедает. Я не меняю. Привык. Выхожу из квартиры. Замок щёлкает за спиной — сухо, металлически. На лестничной клетке пахнет хлоркой и чем-то кислым. Соседи. Чужие жизни за чужими дверями. За каждой дверью — своя трещина на потолке.

Ветер на улице бьёт в лицо — холодный, мокрый, с привкусом осени. Он пахнет прелой листвой, бензином, дымом из чьей-то печки. Я сажусь на мотоцикл. Кожа сидения холодная и холод проникает сквозь джинсы, касается бёдер. Движок заводится с пол-оборота, слышу этот низкий, утробный рёв, который я чувствую всем телом. Выезжаю со двора. Мимо девятиэтажки. Мимо детской площадки. Мимо лавочек. Мимо алкашей, которые уже вышли и расселись по местам. Они не смотрят на меня. Я не смотрю на них.

Всё как всегда. Всё как пять лет назад. Всё как будет ещё

через пять.

Ничего не изменится. Никогда.

ПАША. ДОГОВОР

Район притих. Даже алкаши уползли, даже ларёк Маши закрылся на час раньше. Тишина такая, что слышно, как остывает металл. Как где-то лает собака. Как ветер гонит по асфальту пустой пластиковый пакет, он шуршит, цепляется за трещины, подпрыгивает и летит дальше. Я смотрю на него и думаю: вот я. Такой же пустой. Такой же гонимый ветром.

Телефон вибрирует. Незнакомый номер. Я скидываю. Вибрация повторяется — скидываю снова. На третий раз приходит сообщение. Буквы белые на чёрном фоне, холодный свет экрана в темноте.

«Красные Сосны, ЖК, спа-салон. Клиент буянит. Заплатят».

Я набираю. Гудок. Ещё гудок. Третий.

— Алло, нужны подробности, кто звал?

— Это администратор. У нас клиент не понимает. Запла-

тил, орёт. Вы решаете вопросы? Серьёзные люди сказали, что вы решаете.

Голос женский, низкий, с хрипотцой. Я слышу в нём усталость и что-то ещё похожее привычку. Она звонит не в первый раз. И не в последний. Где-то на заднем плане — тихая музыка, что-то восточное, с флейтой. Благовония, которые она вдыхает всю смену.

— Вас не обманули. Буду через десять минут.

Мотоцикл рычит. Я вылетаю в ночь. Ветер ударяет в лицо — холодный, влажный, он забирается под шлем, под воротник куртки, выжимает слезу из левого глаза. Я еду и думаю: «Спа-салон. Красные Сосны. Опять». Я знаю, что там. Знал, как там всё устроено. Как и в любом подобном заведении. Система простая, как дверь. Клиент платит, клиент ждёт, клиент остаётся ни с чем. И тогда звонят мне. Или не мне. Или полиции. Но полиция не приезжает — у них свои дела, свои вызовы, свои палки. Остаюсь я. Тень района. Человек, который решает вопросы.

Красные Сосны. Элитный ЖК. Три башни из стекла и бетона, подсвеченные синим снизу, они как будто парят над землёй. Охрана на въезде. Подземный паркинг. Днём — менеджеры, коляски, собачки в комбинезонах. Ночью — спа-

салоны без вывесок. Одни и те же. В каждом районе. В каждом ЖК. Я знаю это место. Я знаю все такие места в этом городе. Я мог бы нарисовать карту: где дробильни, где наркопритоны, где алкаши собираются, где ветераны сидят. Этот город я знаю лучше, чем кто-либо. Не парадный, не туристический, а настоящий. Тот, что живёт после полуночи.

Охранник машет рукой. Когда-то я вытащил его сына из передраги — пацан влез в долги, связался с плохими людьми, я поговорил с этими людьми. С тех пор без вопросов. Кивает. Пропускает. Свои — они везде свои. В каждом ЖК, в каждом подъезде, в каждом гараже есть кто-то, кому я когда-то помог. Это не альтруизм. Это инвестиция. Сегодня помог ты — завтра помогут тебе.

Спа-салон прячется на втором этаже. Чёрная дверь. Глазок камеры — маленький, круглый, с красной точкой. Кнопка звонка. Я нажимаю и где-то внутри раздаётся мелодичный перезвон. Замок щёлкает.

Благовония ударяют в нос сразу, они были приторные, тяжёлые, с сандалом и чем-то цветочным. Голова начинает болеть с порога. В таких местах всегда пахнет одинаково — смесью восточных специй и дешёвого кондиционера для белья. Запах, который должен расслаблять, а на деле душил. Он оседает на языке, на нёбе, въедается в одежду.

Свет приглушённый, красновато-бордовый. Он ложится на стены, на картины с голыми женщинами, это были репродукции под античность, маслом по холсту, с трещинами кракелюра. Кожаный диван в зоне ожидания — чёрный, блестящий, с потёртостями на подлокотниках. За стойкой администратора — тяжёлая штора из тёмно-бордового бархата, которая скрывает коридор, скрывает комнаты, скрывает всё. Я знаю, что за шторой. Ничего особенного. Кушетки, застеленные одноразовыми простынями. Полотенца, сложенные стопкой. Масло для массажа в пластиковых бутылочках. Девушки с пустыми глазами, которые ждут, когда закончится смена.

Администраторша встречает меня у входа. Женщина лет тридцати. Шёлковый халат поверх кружевного белья — чёрный, с золотым шитьём по вороту. Фигура — песочные часы: грудь тяжёлая, бёдра широкие, талия узкая. Глаза цепкие, оценивающие и она смотрит на меня как на инструмент. Не на человека. На решение проблемы. Я для неё обычный молоток. Или отвёртка. Просто мужик, который решает вопросы.

— Вы быстро, — говорит она. — Клиент в комнате. Пол-часа уже орет

— Договор есть?

— Да.

Она протягивает лист А4. Бумага плотная, мелованная, чуть шершавая на ощупь. Стандартный текст, напечатанный мелким шрифтом. Внизу была подпись клиента, размашистая, пьяная, ручка продавала бумагу. Пункт 7.2 выделен жирным.

«Салон не оказывает интимных услуг. Все услуги носят исключительно оздоровительный характер».

Пункт семь-два. Я знаю этот пункт. Знаю наизусть. Знаю, как это работает. Все знают. Никто не говорит.

— Он его читал?

— Был в стельку пьян. Но подписал как миленький. Вы же все понимаете.

Понимаю. Система простая. Прайс: массаж спины, массаж ног, релакс-программа. Всё прилично, всё чисто. Потом администраторша наклоняется ближе, клиент чувствует запах её духов, что-то сладкое, ванильное, смешанное с потом и понижает голос: «Есть иные услуги. Вне прайса». Называет

цену. Берёт деньги вперёд. Всегда вперёд. Купюры исчезают в ящике стола, как будто их и не было.

Девушка-мастер делает всё. Почти. Трётся телом, стонет, имитирует. Клиент чувствует её кожу, её дыхание, её влагу — но только снаружи. Проникновения нет. Контакта нет. Время вышло — девушка встаёт и уходит. За ней закрывается дверь. Тишина. Клиент остаётся с членом в руке и счётом на двадцать тысяч.

Умно. И абсолютно законно. Потому что договор. Потому что пункт семь-два. Потому что система.

— Ладно, хватит лясем-трясем разводиться. Показывайте где этот бедолага — говорю я.

В комнате темно. Пахнет маслом для массажа и мужским потом — кислым, чужим, с примесью алкоголя. Этот запах въедается в портьеры, в обивку кушетки, в воздух. Я чувствую его каждый раз, когда захожу в такие комнаты. Он не меняется. Меняются лица, меняются суммы, но запах остаётся тем же. Запах поражения. Запах человека, который заплатил за иллюзию и остался ни с чем.

На кушетке сидит мужик лет сорока. В одних трусах. Лицо красное, глаза бешеные. Увидел меня. Вскочил. Трусы

сползли, и он их поправил. Жест машинальный, стыдливый. Он уже понимает, что проиграл, но ещё надеется. Ещё верит, что можно надавить, накричать, пригрозить. Что мир прогнётся под него. Не прогнётся.

— Здорово братан.

Я продолжал молчать и изучать его безучастным взглядом.

— Ебана в рот. Ты что с ними тоже. Крыша сраная? Послушай, брат, эти бабы меня наебали! Тридцать тысяч! Она просто поелозила и ушла!

Я молча достаю договор. Протягиваю. Он смотрит на бумагу, потом на меня. Глаза бегают — от бумаги ко мне, от меня к администраторше, которая стоит в дверях, сложив руки на груди.

— Ваша подпись? – я старался сохранять вежливое обращение, это намного эффективнее чем опустится до его уровня.

— Да, но...

— Вы, читали что подписывали?

— Да ё-мое. Они сказали, что это просто формальность!

— Пункт семь-два. Будьте добры прочитайте вслух.

Он уставился в бумагу. Губы зашевелились — сухие, потрескавшиеся. Я жду. Администраторша стоит в дверях, сложив руки на груди. Тишина. Только слышно, как он дышит часто, с присвистом. Как холодильник гудит где-то в подсобке.

— «Салон не оказывает интимных услуг», — читает он. Голос дрогнул на слове «интимных».

— Именно. Вы получили массаж. Массаж, это не интимная услуга. Вы все подписали добровольно, я так понимаю потому что были согласны со всеми пунктами. На этом я считаю, что вопрос закрыт.

— Вы все заодно! Я позвоню в полицию!

— Ваше право, звоните.

Я достаю телефон. Протягиваю ему. Экран светится — холодный, безразличный. Он смотрит на мою руку, потом на лицо. Я смотрю без агрессии. Без страха. Так, как смотрят

на вещь, которая отработала своё. На использованный стакан. На пустую пачку сигарет. На окурочек, который пора выбросить.

Он не берёт телефон. Опускает глаза. Руки повисают вдоль тела — плети. Я вижу, как что-то ломается внутри него. Что-то маленькое, но важное. Надежда. Иллюзия справедливости. Вера в то, что мир можно прогнуть криком.

— Пиздец...сука — говорит он тихо. — Я тебя понял.

Начинает одеваться. Медленно, как старик. Рубашка — пуговицы не слушаются пальцев. Брюки — ремень заедает. Носки — один, второй. Ботинки — шнурки запутались. Руки дрожат — не от страха, от унижения. Он проиграл. Знает это. Я знаю. Весь салон знает. Воздух дрожит от его поражения.

В дверях задерживается. Оборачивается. Я вижу его лицо — красное, потное, жалкое. Он хочет что-то сказать. Что-то важное. Что-то, что перевернёт всё. Но не находит слов. Слова кончились вместе с деньгами.

— Зря вы так с работягами, — говорит наконец. — Просто не по-людски.

И исчезает. Шаги в коридоре. Хлопок входной двери. Тишина.

Я выхожу в зону ожидания. Администраторша уже сидит на диване, подобрав ноги. Халат распахнулся — мелькнуло бедро, бледное, с голубоватой веной. Она не поправляет. Или не замечает. Или замечает.

— Будешь кофе?

— Не откажусь, без сахара пожалуйста

Она приносит две чашки. Кофе хороший — не растворимая бурда, настоящий, из кофемашины. Пена коричневая, густая, с пузырьками по краям. Я делаю глоток. Горячо, жидкость обжигает язык, и я чувствую, как немеет кончик, как тепло разливается по нёбу, по горлу, по пищеводу. Такой кофе варят только в дорогих борделях. В дешёвых подают растворимый.

Она садится рядом. Ближе, чем нужно. Я чувствую тепло её тела — оно исходит от неё волнами, пробивается сквозь шёлк халата, сквозь мою куртку. Запах ванили и шёлка. Она смотрит на меня — оценивающе, но уже не как на инструмент. Как на мужчину. Я знаю этот взгляд. Я видел его сотни раз.

— И часто такой атракцион?

— Обычно раз в неделю. Народ разный, среди них каждой твари по паре: пьяные, дурные, с деньгами и все как один думают, что им все должны. Думают, что если заплатил — значит, купил. А купить нельзя. Только арендовать.

— А ты?

— Немного не поняла, что я?

— Думаешь, что тебе тоже должны?

Улыбается. Выученная улыбка — я видел таких сотни. Но в этот раз что-то дрогнуло. Что-то настоящее, но на секунду, не больше. Как трещина в фасаде. Как искра в остывшей золе.

— Никто никому ничего не должен, — говорит она. — Все просто: одни платят, другие берут. Ты тоже берешь, иначе ты бы не появился здесь.

Я молчу.

— Молчишь, значит я права. Ты берёшь и я беру. Клиенты

платят. Система работает.

— Система, — повторяю я. — Красивое слово.

— А у тебя есть другие идеи как этот пиздец назвать?

Я смотрю на неё. Она смотрит на меня. В глазах глубокая пустота, прикрытая профессионализмом. Не злая. Не добрая. Эффективная. Как я. Как Маша. Как все, кто выжил в этом районе. Мы все обычные винтики. Мы все необходимые функции. Мы все просто пункт семь-два.

— Пожалуй, лучше и не придумаешь — говорю я. — Есть только договор. И злополучный пункт семь-два.

Она кивает. Мы допиваем кофе молча. В тишине салона. Под красноватым светом. Под картинами с голыми женщинами. Под запахом благовоний, от которых всё ещё болит голова — тупая, ноющая боль где-то за глазами.

Я выхожу на улицу. Закуриваю. Воздух остужает лёгкие, все такой же холодный, влажный, с привкусом осени. За спиной — чёрная дверь. За дверью — система. За системой — город. За городом — ничего. Пустота, которая начинается там, где кончаются панельки.

Телефон вибрирует. Маша.

«Как будет время, сразу заедь. Надя опять что-то натворила».

Я завожу мотоцикл. Выезжаю в ночь.

ПАША. ЗУБЫ

Магазин стоял во дворе. Три панельные девятиэтажки, детская площадка с покосившимся бетонным грибком, с облупившейся краской и лавочки, на которых с утра до вечера сидели местные. «Красное и Белое» светилось неонам в торце одной из девятиэтажек. Вывеска гудела — тихо, монотонно, как комар. Магнит для алкашей. Днём была очередь за чекушкой, вечером уже за добавкой перед закрытием. Я знал этот магазин. Знал всех, кто в него заходит. Знал, кто ворует, кто платит, кто просто стоит у входа и дышит перегаром на стекло.

Я припарковал мотоцикл у подъезда. Заглушил движок. Сумерки сгущались они были серые, мутные, как вода в придорожной луже. В такое время всё кажется размытым. Лица, дома, мысли. Я закурил и посмотрел на окна. В некоторых горел свет — жёлтый, тёплый, почти уютный. В некоторых — нет. В некоторых уже никогда не загорится.

Телефон завибрировал сорок минут назад. Звонил Коля. Охранник «Красного и Белого», бывший соратник по движению 2000-х. Мы вместе ходили на митинги, вместе дрались с чёрными, вместе кричали лозунги. Потом я остановился. Он — нет. Или остановился, но позже. Или не остановился до сих пор. Его голос в трубке был глухим, как будто он говорил из-под воды.

— Паш, здорово заедь пожалуйста. Тут опять этот хуй воюет. Я его поймал и немного перестарался.

— Что значит перестарался?

— Просто заедь, сам увидишь.

В магазине было пусто. Кассирша считала кассу, до закрытия оставалось десять минут. Её пальцы бегали по клавишам, губы шевелились, пересчитывая купюры. Лицо бледное, как бумага. Покупателей уже не было, ни трезвых, ни пьяных. Тишина. Только холодильник гудел — низко, утробно, на одной ноте. Этот гул я слышал в каждом магазине, в каждом ларьке, в каждой подсобке. Белый шум района.

Коля вышел из подсобки. Здоровый, бритый, с бычьей шеей и сбитыми костяшками — пальцы, похожие на ин-

струменты. Футболка с логотипом охранного предприятия, выцветшая от стирок, с жёлтыми пятнами под мышками. Взгляд исподлобья. Он всегда так смотрел, даже в 2003-м, когда мы жгли файеры и орали про Россию для русских. Тогда этот взгляд казался мне героическим. Сейчас — просто уставшим. Взгляд человека, который двадцать лет бьёт людей и уже не помнит зачем.

— Ну и где он?

— На улице, возле крыльца. Сидит и чилит.

— Что ты с ним сделал?

— Я поймал его на выходе. Он спрятал бутылку водки в левом рукаве. Вторая кража за неделю. Я его предупредил — говорил по-хорошему, объяснял. Но, он не понял. Пришлось объяснить по-другому.

— И как же?

— Кулаком. Два раза.

— Куда?

— В ебло.

Я глубоко вздохнул и вышел на крыльцо. Коля остался внутри. Он знал, что я не одобряю. Но ему было плевать. Ему всегда было плевать на то, что я думаю. Он делал своё дело. Я делал своё. Два старых друга, которые давно не друзья, но всё ещё связаны прошлым.

Мужик сидел на корточках, прислонившись спиной к стене магазина. Поза человека, который ждёт автобус. Или смерти. Лет пятьдесят — может, меньше, может, больше. С такими трудно сказать, они стареют быстро. Алкоголь стирает возраст, как ластик оставляет только размытые контуры. Трико с пузырями на коленях, серая футболка в каких-то пятнах, выдавшие виды кроссовки с разошедшейся подошвой. Рот в крови — густая, тёмная, она запеклась в уголках губ. Нос сломан. Он дышал ртом — часто и хрипло, воздух вырывался из него, как из пробитого шланга.

— Вставай.

Он поднял голову. Глаза мутные, пьяные, но не агрессивные. Скорее — обречённые. Так смотрят люди, которые уже всё про себя поняли. Которые не ждут ничего хорошего. Которые знают: будет больно, а потом ещё больнее, а потом смерть. И смерть будет не хуже жизни.

— Он мне зубы выбил, — прошамкал он. Голос глухой, слова вязнут в крови и слюне. — Зубы, мужик. Четыре штуки.

— Зачем ты воровал?

— А чё делать? Денег нет. Трубы горят. Выпить хочется.

— Ты же понимаешь, что он тебя предупреждал?

— Понимаю.

— И всё равно полез?

— Ну а хули.

Он говорил без злобы, без обиды. Просто констатировал факт. Денег нет, выпить хочется, его предупредили, он полез, ему выбили зубы. Так бывает. Так было вчера. Так будет завтра. Так будет всегда.

Я зашёл обратно в магазин. Коля стоял у кассы. Кассирша закрыла кассу и ушла в подсобку — она не хотела видеть. Она вообще много чего не хотела видеть. Её дело — считать деньги. Остальное — не её забота.

— Ты ему четыре зуба выбил, — сказал я.

— Он сам виноват.

— Я не спорю. Где они?

— Что?

— Зубы. Где его зубы?

Коля моргнул. Он не понял. Он никогда не понимал. Для него зубы — это то, что вылетает изо рта и падает на пол. Мусор. Отходы. Что-то, что сметают вместе с окурками.

— На полу. Там, у входа.

Я подошёл к входной двери. Наклонился. На кафеле, в каплях крови — ярко-красных, уже начавших темнеть по краям, — лежали четыре зуба. Два резца — плоские, с зазубринами. Один клык — длинный, жёлтый. Один — не пойми какой, коренной, с тёмным налётом у корней. Зубы человека, который никогда не был у стоматолога. Который никогда не чистил их по утрам. Которые ему выбили просто так.

Я достал из кармана влажную салфетку. Развернул. Салфетка была холодная, влажная, с запахом спирта. Аккурат-

но, двумя пальцами, подобрал зубы с пола. Они были лёгкие, почти невесомые. Завернул. Вышел на улицу.

Мужик всё ещё сидел у стены. Увидел меня. Увидел салфетку в моей руке — белую, смятую, с проступающими сквозь неё тёмными контурами.

— Это мои? — спросил он.

— Твои.

Я протянул ему салфетку. Он взял её осторожно, как хрусталь. Как будто в ней были не его собственные зубы, а что-то бесценное. Развернул. Посмотрел на свои зубы — на то, что осталось от его рта, от его улыбки, от его возможности жевать. Он смотрел на них, как смотрят на фотографию умершего родственника. Долго. Молча. Потом поднял глаза на меня.

— Что мне с ними делать?

— Не знаю. Повесь на шею. Продай. Выкинь. Это твоё.

Он свернул салфетку. Сунул в карман трико — глубоко, на самое дно. Поднялся — медленно, держась за стену. Ноги дрожали. Лицо было серым.

— Теперь уйду?

— Уходи. И сюда больше не возвращайся. Вообще. Ни в этот магазин, ни в соседний, ни в район. Понял?

— Понял.

Он повернулся и побрёл в глубь двора. Мимо детской площадки с покосившимся грибком. Мимо лавочек, где уже рассаживались местные алкаши для вечернего заседания. Они смотрели на него — без интереса, без сочувствия. Он был свой. Такой же, как они. Только без зубов.

Я закурил. Коля вышел на крыльцо. Встал рядом. Плечом к плечу. Молчал. Я чувствовал запах его пота — резкий, мужской, смешанный с запахом дешёвого дезодоранта.

— Ты зачем зубы подобрал? — спросил он наконец.

— Не знаю. Показалось правильным.

— Правильным? — он усмехнулся. Усмешка была невесёлой. — Ты всегда был странным, Паша. Ещё тогда. Помнишь?

— Помню.

— Мы верили. По-настоящему верили. В идею, в Россию, в белую расу — всё такое. Выходили на площадь, жгли файеры, били морды. А ты просто стоял и молчал. Даже когда дрались — ты молчал.

— Я дрался.

— Дрался. Но молчал. И сейчас молчишь. И зубы подбираешь. Какого хера, Паша? Зачем тебе его зубы?

Я затаился. Выдохнул дым. Посмотрел на покосившийся грибок, на пустые лавочки, на серое небо, которое уже почти стало чёрным.

— Ему нечего терять. Вообще. Кроме этих зубов. А теперь и их нет. Я просто хотел, чтобы у него осталось хоть что-то. Хоть зубы. Хоть в салфетке.

Коля посмотрел на меня долгим взглядом. Потом сплюнул на асфальт — густо, с призвуком.

— Ты всегда был странным.

— Знаю.

Он ушёл обратно в магазин. Дверь закрылась за ним с глухим стуком. Я стоял и курил. Смотрел на детскую площадку, на покосившийся грибок, на лавочки, на сумерки, которые уже почти стали темнотой. Думал о мужике. О его зубах в салфетке. О том, что у каждого есть что-то, что можно выбить. У кого-то — зубы. У кого-то — вера. У кого-то — надежда. А у кого-то уже ничего нет. Им нечего терять. Им нечего подбирать с пола.

Через неделю этот мужик вернётся. Я знал это. Коля знал. Все знали. Он вернётся, сопрёт бутылку, и Коля снова выбьет ему зубы. Только зубов уже не осталось — значит, сломает челюсть. Или рёбра. Или что-то ещё. Ничего не изменится. Никогда.

Я докурил. Бросил окурок на асфальт. Затаптал. Сел на мотоцикл. Завёл движок.

Телефон завибрировал. Маша.

«Ты где? Надя трубку не берёт. Уже час».

Я выехал со двора. Ветер в лицо. Сумерки уже стали ночью — холодной, вязкой. Ветер пах дождём, который ещё не пошёл, но обязательно пойдёт.

ИНТЕРЛЮДИЯ. ДОЖДЬ

Я стоял под козырьком у входа в «Красное и Белое» и курил. Дождь шёл уже час. Мелкий, осенний, он висел в воздухе водяной пылью, оседал на лице, на куртке, на асфальте. Асфальт блестел, отражая неоновую вывеску, и казалось, что под ногами не грязь, а зеркало. Кривое, мутное, но зеркало.

Я не пошёл домой. Не поехал в ларёк. Просто стоял и курил. Смотрел, как капли падают с козырька — ритмично, одна за одной, как метроном. Отсчитывают время. Моё время. Пять лет. Шестьдесят месяцев. Тысяча восемьсот двадцать пять дней. Каждый день — как капля. Падает и разбивается.

На лавочках никого не было. Алкаши попрятались по подъездам. Детская площадка опустела. Даже собаки замолчали. Район замер, притих, как будто дождь смыл не только грязь, но и звуки. Я слушал тишину. Она была не пустой — она была наполненной. Шумом капель. Гулом холодильника за спиной. Моим дыханием.

Я думал о том, что дождь, это наверное единственное что остаётся неизменным. Он шёл здесь десять лет назад, когда я ещё верил, что уеду. Он шёл здесь пять лет назад, когда я только вернулся в район. Он идёт сейчас. И будет идти через пять лет. Дождь не меняется. Меняемся мы. Или думаем, что

меняемся.

Под козырёк забежал пацан лет двенадцати. В мокрой куртке, с рюкзаком. Посмотрел на меня. Я посмотрел на него. Он не спросил, кто я. Не попросил закурить. Просто встал рядом и тоже стал смотреть на дождь. Мы стояли вдвоём — взрослый мужик и пацан — и молчали. Потом он сказал: «Дождь — это хорошо. Мама говорит, что после дождя всё растёт». Я ничего не ответил. Он постоял ещё минуту и побежал дальше. Его шаги затихли в сыром воздухе.

Я докурил. Бросил окурочок в лужу. Он зашипел и погас. Я смотрел, как вода затягивает его, как он темнеет, пропитывается влагой. А потом просто пошёл к мотоциклу. Дождь не кончился. Он и не должен был кончаться. Он будет идти всегда. А я буду стоять под козырьком и курить. Пока не закончатся сигареты. Пока не закончусь я. Что наступит раньше — никто не знает. Да и какая разница.

ПАША. КОЛЯ

Я познакомился с Колей в две тысячи третьем. Мне было четырнадцать, ему — пятнадцать. Мы жили в соседних дворах, ходили в разные школы, но в одну секцию, это был бокс. Там и встретились. В подвале, пропахшем потом и кожей, под грушей, которая скрипела при каждом ударе.

Тренер был старый, советской закалки. Он не учил нас бить — он учил терпеть. «Бокс — это не драка, — говорил он. — Бокс — это характер». Мы не понимали. Мы просто хотели бить. Хотели чувствовать, как кулак входит в чужую плоть, как хрустят костяшки, как кровь брызжет на кафель. Хотели быть сильными. Хотели, чтобы нас боялись.

Он был старше. Крупнее. Уже тогда — бычья шея, сбитые костяшки, взгляд исподлобья. Он говорил мало, делал много. На ринге — жёсткий, безжалостный. Вне ринга — спокойный, даже угрюмый. Я был другим: легче, быстрее, болтливей. Но что-то нас связало. Может, общая нелюбовь к проигрышу. Может, общее чувство, что мы не такие, как все. Что мы — другие. Что мы — сильнее.

В тот год он позвал меня на митинг. Осень. Листья уже облетели, асфальт был мокрый, в лужах отражались серые панельки. Мы стояли у гаражей, курили одну на двоих, и он сказал:

— Там наши будут. Русские. Ты же русский?

— Русский.

— Тогда пошли.

Я не спросил, что за митинг, не спросил, кто выступает. Просто пошёл. Потому что Коля позвал. Потому что четырнадцать лет. Потому что хотелось быть частью чего-то — хоть чего-то. В четырнадцать лет ты не думаешь о последствиях. Ты думаешь о том, что завтра в школе ты сможешь сказать: «Я был на митинге. Я стоял в толпе. Я дрался». И это что-то значит. Тогда — значило.

Митинг был на окраине. Пустырь за гаражами. Земля была мёрзлая, покрытая жухлой травой и битым стеклом. Собралось человек пятьдесят — молодые парни, бритые затылки, чёрные куртки, флаги, которых я раньше не видел. Со сцены — сколоченного из досок помоста — кричали про Россию, про чистоту, про врагов. Голос был хриплый, надрывный. Он бил по ушам, по нервам. Он заставлял верить.

Я стоял в толпе и слушал. Коля стоял рядом — его глаза горели. Он верил. По-настоящему верил. В его лице было что-то, чего я никогда не видел раньше. Не просто злость. Не просто надежда. Что-то большее. Что-то, что заменяло ему всё остальное: семью, школу, будущее.

— Теперь понимаешь? — спросил он.

— Понимаю.

Я врал. Я ничего не понимал. Слова были правильные, красивые — про родину, про народ, про то, что мы должны подняться. Но что-то было не так. Что-то внутри скребло. Я не мог назвать это. Просто чувствовал: здесь не моё место. Я стоял среди своих — русских, молодых, злых, — но чувствовал себя чужим.

После митинга была драка.

Кто-то крикнул: «Там чёрные». Толпа двинулась и я оказался в центре. Коля впереди. Он бил первым, всегда бил первым. Я видел, как его кулак врежется в чужое лицо, как кровь брызжет на асфальт, как тело падает. Звук был глухой, как будто мешок с картошкой уронили.

Я тоже дрался. Меня толкнули — я ответил: удар в челюсть, удар в живот. Я не думал, тело работало само. Бокс. Секция. Спасибо тренеру. Через минуту всё закончилось. Враги побежали. Наши стояли, тяжело дышали, сплёвывали кровь, улыбались. У некоторых были разбиты губы, у кого-то текла кровь из носа. Но все улыбались. Потому что мы победили.

— Видел? — спросил Коля. — Мы победили.

— Победили, — сказал я.

Мы победили. Но внутри скребло сильнее. Я смотрел на Колю и думал: вот он, герой. Вот он, воин. А я? Я просто стоял рядом. Я просто бил, потому что били меня. Я не верил. Я просто был.

Потом были ещё митинги. Ещё драки. Я ходил, дрался, молчал. Коля верил всё сильнее, я — всё меньше. Он читал книги, учил историю, знал имена вождей. Я не читал, не учил. Просто был рядом. Просто бил. Просто молчал.

Однажды, после очередной драки, мы сидели на лавочке в парке. Костяшки сбиты, на футболке — чужая кровь, уже засохшая, бурая. Он курил, смотрел на детскую площадку и сказал:

— Ты думаешь, мы делаем это просто так? Думаешь, нам это нравится? Нет. Но кто-то должен. Государство не может. Менты не хотят. А район гниёт. Наркота, приезжие, беспредел. Кто с этим разберётся? Кто, если не мы?

Я молчал. Он затаился и добавил:

— Мы — санитары. Как на войне. Кто-то должен делать грязную работу, чтобы остальные жили в чистоте. Это не мы

начали. Нам просто досталось.

— И что изменилось? — спросил я.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Потом сплюнул.

— Ничего. Но могло быть хуже.

— Хуже для кого?

Он не ответил. Я не настаивал. Мы посидели ещё немного. Потом встали и разошлись по домам. Это был наш последний разговор о движении. Дальше были только звонки. «Паша, заедь». Я заезжал.

Коля стал охранником. Сначала в «Пятёрочке», потом в «Красном и Белом». Мы пересекались редко. Он бил людей. Я подбирал зубы. Мы не говорили о прошлом — зачем? Мы и так всё знали.

Но иногда, глядя на него, я думаю о том, что он сказал тогда, на лавочке. «Санитары». «Грязная работа». Он верил в это. Может, верит до сих пор. Может, это единственное, что держит его на плаву. Потому что если не верить — то зачем всё? Зачем драки, зачем кровь, зачем магазин, зачем пустая квартира вечером?

А я? Я тоже делаю грязную работу. Просто без флагов. Без идей. Без оправданий. Я не говорю себе, что я санитар. Я просто приезжаю. Этого достаточно.

И когда-нибудь кто-нибудь спросит меня: «И что изменилось?»

Я не отвечу.

Потому что ответа нет.

ПАША. АНДРЕЙ

Вызов пришёл через Колю. И каждый раз, когда звонил, я знал: случилось что-то, с чем он не может справиться сам. Не потому что не хватает силы. Потому что не хватает чего-то другого. Чего-то, что у меня было. Или он думал, что было.

— Паша, тут такое дело. У матери моей в доме пацан один порезал другого. Ему четырнадцать. Полиция уже была, но ты же знаешь — они бумажки заполнили и уехали. А мать боится. Говорит, он опять кого-нибудь порежет. Поговори с ним.

— Я блин не социальный работник.

— Но ты был таким же.

Я промолчал. Коля попал в точку. Он всегда попадал в точку, когда речь шла обо мне. Потому что знал меня. Потому что сам был таким же. Только он не остановился.

— Паша?

— Диктуй адрес.

Дом стоял на краю района. Кирпичная девятиэтажка. Подъезд пах кошачьей мочой и сигаретами, этот запах въелся в стены, в ступени, в перила. Лифт не работал. Я поднялся на третий этаж пешком. Ступени были стёрты, с выбоинами, в которых скапливалась грязь. Перила шатались. В таких подъездах я вырос. В таких подъездах прошла моя юность. Тогда мне казалось, что я вырвусь. Что уеду. Что этот запах останется в прошлом. Я ошибался.

Дверь открыла женщина. Лет сорок пять. Уставшее лицо было серое, с глубокими складками у рта. Волосы собраны в небрежный пучок. В руке зажата электронная сигарета, пластиковая, с облупившимся лаком. Она затянулась, выпустила облако пара — сладковатого, химического и посмотрела на меня без всякого выражения. Так смотрят на очередную

квитанцию, которую нужно оплатить. Или на соседа, который опять жалуется на шум.

— Вы от Коли?

— Да.

— Проходите.

Квартира была дорогой. Кожаные диваны — чёрные, блестящие, без единой царапины. Плазма на всю стену. Кухня с островком и мраморной столешницей. Но всё это было какое-то нежилое. Как будто декорации. Как будто люди здесь не жили, а только ночевали. Я видел такие квартиры. В них нет тепла. В них есть деньги, но нет жизни.

— Где он?

— В своей комнате. Дверь прямо.

— Вы знаете, что он сделал?

— Знаю. Коля рассказал.

— И что вы думаете?

Она затаилась. Выпустила пар. Посмотрела на меня долгим взглядом — уставшим, но не равнодушным. Скорее — смирившимся. Так смотрят люди, которые уже всё для себя решили. Которые знают: что бы они ни сделали, ничего не изменится.

— Думаю, что он дурак. Мальчишка. Горячая голова. Пройдёт.

— Он ударил человека ножом.

— Он не хотел. Он просто защищался.

— От кого?

— От того мальчика. Который сказал ему поперёк.

Я посмотрел на неё. Она смотрела на меня. В её глазах не было ни страха, ни вины — только усталость и что-то ещё. Что-то, похожее на безразличие. Или на веру. Веру в то, что её сын — хороший. Что он просто ошибся. Что всёйдёт.

— Я поговорю с ним, — сказал я.

— Говорите. Только он всё равно вас не услышит. Он никого не слышит. Кроме своих друзей. И своего телефона.

Комната Андрея была обычной комнатой подростка. Плакаты на стенах — рок-группы, футболисты, что-то ещё. Компьютерный стол. Кровать, застеленная серым покрывалом. Шкаф с зеркалом во всю дверцу. Письменный стол, заваленный тетрадками и учебниками. Всё как у всех. Всё как у меня когда-то. Только у меня на стене висели не плакаты, а вырезки из журналов. И тетради были не с нацистской символикой, а с конспектами по истории. Но суть та же. Поиск себя. Поиск идеи. Поиск врага.

Андрей сидел на кровати. Худой. Светлые волосы — давно не стриженные, падали на глаза. Глаза — злые, но не бешеные. Скорее — холодные. Он смотрел на меня как на очередного взрослого, который сейчас будет читать нотации. Я знал этот взгляд. Я сам так смотрел. На учителей, на родителей, на всех, кто говорил мне, как жить.

Я сел на стул напротив. Не стал подходить ближе. Не стал давить. Просто сел. Просто посмотрел.

— Знаешь, кто я?

— Знаю. Паша. Коля говорил.

— Знаешь, зачем я здесь?

— Поговорить. Чтобы я больше никого не резал.

— Нет. Я здесь, чтобы ты рассказал мне — зачем ты это сделал.

Он усмехнулся. Усмешка была кривая, неестественная. Так усмеваются те, кто уже научился защищаться. Кто уже понял: взрослые — враги. Взрослые — те, кто не понимает.

— А вы что, психолог?

— Нет. Я был на твоём месте.

Усмешка исчезла. На секунду. Потом вернулась, но уже другая. Настороженная.

— Что?

— Мне было четырнадцать. Я тоже верил. Тоже ходил на митинги, кричал лозунги. Тоже думал, что есть «мы» и есть «они» и что «мы» должны победить. Что мы — сила. Что мы — будущее. Что мы — единственные, кто знает правду.

— И что?

— Я остановился. Вовремя. Не все остановились. Коля не остановился. Те, кто старше нас, не остановились. Они сидят. Или лежат в земле. Или просто спились. Или стоят за прилавком «Красного и Белого» и выбивают зубы алкашам.

— Я не сопьюсь.

— Ты уже упал ниже. Ты уже режешь людей. За то, что они говорят тебе поперёк.

Он замолчал. Я встал, подошёл к письменному столу. Среди тетрадок и учебников лежала одна — с нацистской символикой на обложке. Я взял её. Обложка была глянцевая, холодная на ощупь. Открыл. Страницы были исписаны ровным, почти каллиграфическим почерком. Лозунги. Цитаты. Списки врагов. Почерк был красивый. Аккуратный. Так пишут те, кто верит. Кто готовится. Кто думает, что слова на бумаге что-то изменят.

— Красиво пишешь, — сказал я. — Грамотно. Не как все.

— Это мой манифест.

— Знаю. Я не буду забирать. Просто смотрю.

Я закрыл тетрадь, положил на стол. Повернулся к нему.

— Ты знаешь, почему ты ударил того мальчика?

— Потому что он не понимал. Он говорил глупости. Он не уважал.

— Не уважал — кого? Тебя?

— Нас. Идею. Братство.

— Ты ударил его ножом, потому что он сказал тебе поперёк. Не идее. Не братству. Тебе. Ты просто не терпишь, когда тебе перечат. Ты — лидер. А лидеры не прощают неповиновения.

Он посмотрел на меня. В глазах что-то дрогнуло — не страх, не злость, а что-то другое. Как будто я сказал то, что он знал сам, но никогда не произносил вслух. Как будто я разглядел его настоящего, того, кто прячется за лозунгами и флагами.

— Откуда вы все это знаете?

— Потому что я был тобой. Проживал такой же период.

В комнату зашла мать. В руке она держала всё ту же элек-

тронную сигарету. Она вошла бесшумно, как привидение. Как будто её здесь не было. Как будто она всегда стояла в дверях и ждала.

— Андрей, у тебя жидкость кончилась? Моя ещё есть. Хочешь?

— Давай.

Она протянула ему вейп. Он взял, затянулся. Она стояла и смотрела на него — без осуждения, без тревоги. Как будто он не человека порезал. Как будто он просто двойку получил. Как будто всё, что произошло, это просто ещё один день. Ещё одна неприятность. Ещё одна вещь, которую можно пережить.

— Вы знаете, где нож? — спросил я.

— На кухне, — сказала она. — В раковине. Я его ещё не помыла.

Я вышел на кухню. В раковине, среди грязной посуды — тарелки с засохшими остатками еды, чашки с коричневыми разводами от чая, лежал нож. Обычный кухонный нож с чёрной ручкой. На лезвии были тёмные пятна. Кровь. Чья-то кровь. Мальчика, который сказал поперёк. Я включил воду.

Холодная. Пятна смывались легко. Слишком легко. Как будто их и не было. Как будто всё можно смыть водой.

Вернулся в комнату.

— Я ухожу. Но перед этим скажу тебе одну вещь. Ты думаешь, что ты особенный. Что ты лидер. Что за тобой стоят старшие товарищи. Но для них ты простой расходник. Ничемная торпеда. Они разменяют тебя при первом удобном случае. Запомни это.

Он молчал. Мать стояла в дверях. Затянулась. Выпустила пар. Облако пара растворилось в воздухе.

— Ты можешь остановиться, — сказал я. — Как я. Или можешь продолжать. Как Коля. Выбор за тобой.

Я вышел из квартиры. Дверь закрылась. В подъезде пахло хлоркой и кошачьей мочой. Лифт не работал. Я спустился по лестнице. Ступени были всё те же — стёртые, шаткие. Ничего не изменилось.

На улице темнело. Ветер гнал по асфальту пустой пакет. Я закурил и смотрел, как пакет катится к детской площадке, к покосившемуся грибку, к пустым лавочкам. Там, где днём сидели алкаши, сейчас было пусто. Только ветер. Только му-

сор. Только я.

Я думал о том, что сказал ему: «Я был тобой». Это правда. Я был как он. Злым, верящим, готовым резать. Но что меня остановило? Не страх. Не совесть. Случай. Однажды после драки я шёл домой, сплёвывая кровь, и увидел старуху из соседнего подъезда. Она стояла у мусорных баков с палкой в руках — отгоняла бродячих собак. Увидела меня — разбитого, в чужой крови, с файером в рюкзаке. Ничего не сказала. Просто покачала головой. И ушла. А я остался стоять. В тот момент что-то щёлкнуло. Не сразу. Не вдруг. Но именно тогда я впервые подумал: «Может, я не прав. Может, всё это — не моё». Я не стал другим в одночасье. Просто начал думать. А когда начинаешь думать — бить становится сложнее. Слова становятся важнее кулаков. Я не стал хорошим. Я просто перестал быть одним из них. Этого оказалось достаточно. Возможно. Я так до конца и не понял.

Я вспомнил старуху сегодня, глядя на Андрея. Вспомнил её молчаливый укор. Интересно, жива ли она ещё. Интересно, знает ли она, что тот разбитый пацан, которого она встретила у мусорных баков, теперь решает вопросы в этом же районе. И что он ни разу не сказал ей «спасибо». Потому что не умеет. Потому что так и не научился.

Через неделю в этом районе случится массовая драка.

Чёрные против белых. Будут стрельба и поножовщина. Я ещё не знал этого. Но чувствовал это как приближение грозы, как падение давления, как тишину перед ударом. В этом районе всегда что-то случается. Всегда.

Телефон завибрировал. Маша.

«Надя опять. Ты блин не поверишь. Она в полиции».

Я затаился в последний раз. Бросил окурочок в урну. Завёл мотоцикл.

ИНТЕРЛЮДИЯ. СНЕГ

Снег выпал ночью. Первый в этом году. Я проснулся в шесть, как всегда, подошёл к окну и увидел: двор стал белым. Детская площадка, лавочки, покосившийся грибок — всё исчезло под слоем снега. Даже мусорные баки у подъезда стали похожи на сугробы. Снег скрыл грязь, окурки, трещины в асфальте. На несколько часов район стал чистым. Ненастоящим. Как декорация.

Я оделся и вышел. Снег хрустел под ногами. Воздух был холодный, колючий, но свежий — не то что обычно, когда пахнет бензином и мусором. Сейчас пахло зимой. На детской площадке никого не было. Алкаши ещё не вышли

— снег их пугал, они предпочитали переждать непогоду в подъездах. Я прошёл по двору, оставляя следы. Первые следы. Как будто район принадлежал мне.

Я думал о том, что снег — это ложь. Красивая, белая, пушистая ложь. Он скрывает всё, что мы не хотим видеть. Но он тает. Всегда тает. Через день, через два, через неделю и под ним снова окажется грязь. Окурки. Кровь. Всё, что было. Всё, что никуда не делось.

Я закурил. Дым смешался с паром от дыхания. Я стоял посреди двора и смотрел, как снежинки падают на мою куртку, на мои плечи, на мои волосы. Они были лёгкие, почти невесомые. Они ничего не весили. Они ничего не меняли. Но было в них что-то правильное. Что-то, что заставляло стоять и смотреть. Может быть, потому что снег — это единственное, что приходит в район без вызова. Без звонка. Без просьбы. Просто приходит. И лежит. Пока не растает.

Я докурил. Бросил окурочек в сугроб. Он прожёт маленькую дырку и исчез. Я пошёл домой. Следы за мной оставались — тёмные, чёткие, на белом снегу. Они тоже исчезнут. Растают вместе со снегом. Как всё. Как и все.

ПАША. МОТОЦИКЛ

Я снова выезжаю в ночь. Мотоцикл гудит подо мной, все такой же низкий, утробный звук, который я чувствую всем телом, от ладоней на руле до ступней на подножках. Ветер бьёт в лицо, как всегда холодный, мокрый, с привкусом осенней гнили. Никакого вызова, никакого адреса. Просто ночь, просто дорога. Такие ночи я люблю больше всего. Когда никто не звонит, никто не ждёт, никто не требует, чтобы я приехал и решил. Я просто еду. Просто дышу. Просто смотрю.

Район проплывает мимо, как декорации в старом кино — хрущёвки с облупленной штукатуркой, девятиэтажки с ржавыми пожарными лестницами, детские площадки с покосившимися грибками, лавочки, на которых уже никого нет. Окна горят редко — жёлтые прямоугольники в серых коробках, — только у тех, кто не спит. Я знаю, почему они не спят. У каждого своя причина, своя боль, свой долг. Женщина ждёт мужа, который не придёт. Старуха слушает, не шумят ли соседи. Подросток сидит в телефоне и мечтает уехать. Я знаю их всех. Всех, кто не спит в этом районе. Мы все одно племя. Племя бессонных.

Проезжаю мимо ларька. Неон горит, этот холодный, синеватый свет, который заливает асфальт перед входом. Маша стоит за прилавком — я вижу её силуэт через стекло, смутный, как отражение в воде. Я не останавливаюсь. Она не видит меня и я просто проезжаю дальше. Иногда мне кажется,

что я всегда проезжаю мимо. Мимо людей, мимо событий, мимо собственной жизни. Я не участвую. Я наблюдаю. Я — обычная тень.

Центр. Пешеходная зона. Басы из клубов были низкие, вибрирующие, они пробиваются сквозь стены и дрожат в асфальте. Смех. Мат. Девки в коротких юбках, парни в дорогих ботинках. Драка у входа в бар — полиция ждёт. Они всегда ждут. Они не вмешиваются, пока не закончится. Пока кто-нибудь не упадёт. Пока не прольётся кровь. Я не вмешиваюсь тоже. Просто смотрю. Просто еду. Я здесь не для того, чтобы решать. Я здесь для того, чтобы видеть.

Вспоминаю вчерашний вызов. Мужик с выбитыми зубами. Как он сидел на корточках у стены, как держал салфетку с зубами, как смотрел на них — будто на фотографию умершего. «Что мне с ними делать?» — спросил он. Я сказал: «Это твоё». Он ушёл. Через неделю вернётся. Всегда возвращаются. Коля. «Ты всегда был странным», — сказал он. Да. Всегда. Станным, но не чужим. Своим. Район принимает странных — если ты здесь вырос, ты свой. Что бы ты ни делал, кем бы ты ни стал. Ты можешь уехать, но район останется в тебе. Въестся в кожу, в лёгкие, в кровь. Как запах бензина. Как холодный ветер.

Вспоминаю Андрея. Пацана с ножом. Его тетрадь с лозун-

гами, его мать с вейпом, нож в раковине среди грязной посуды. «Я был тобой», — сказал я ему. И это правда. Я был им. Злым, верящим, готовым резать. Но что-то меня остановило. Что? Я не знаю до сих пор. Может, случай. Может, характер. Может, просто повезло.

Вспоминаю Колю. Не вчерашнего — того, из прошлого. «Мы — санитары», — говорил он. «Кто-то должен делать грязную работу». Иногда я думаю: что, если бы я остался в движении? Что, если бы не ушёл в институт? Что, если бы не та подстава на работе? Был бы я сейчас на месте Коли? Выбивал бы зубы алкашам? Стоял бы за прилавком «Красного и Белого»? Не знаю. Но, наверное, мог бы. Все мы могли бы.

Парк. Тёмный, пустой. Деревья стоят голые — чёрные ветки на фоне серого неба. Я глушу движок. Тишина. Только ветер шумит в кронах, только где-то лает собака. Стою, курю, смотрю на деревья. Они здесь были всегда еще до меня, до района, до города. Их корни уходят глубоко в землю, в темноту, в тишину. Они помнят всё, но молчат. Как я. Как все, кто выжил.

Завожу мотоцикл. Еду дальше. Мимо гаражей — железных, облупленных, с ржавыми замками. Мимо пустырей, заросших бурьяном. Мимо школы, в которой я учился, она была старая, кирпичная, с облезшей краской на фасаде. Мимо

двора, где дрался в первый раз. Мимо дома, где жила моя первая женщина. Её звали Оля. Она пахла молоком и чем-то сладким — наверное, духами, которые она покупала в ларьке у тёти. Она говорила, что я странный. Она уехала. Все уезжают. Я остаюсь.

Утро. Рассвет. Небо из чёрного становится серым, потом розовым, потом жёлтым. Город просыпается. Дворники выходят с мётлами — они всегда выходят, всегда подметают, всегда смывают кровь. Алкаши выходят с чекушками — они всегда выходят, всегда садятся на лавочки, всегда говорят о политике. Город обновляется. Всегда обновлялся. И будет обновляться.

Я еду домой. Ветер в лицо — холодный, мокрый, как всегда. Но сегодня он пахнет иначе. Сегодня он пахнет утром.

ПАША. САМОУБИЙЦА

Вызов пришёл под вечер. Звонил Лёха-таксист. Голос был не встревоженный — скорее усталый, как всегда, когда он звонил не по работе, а по житейским вопросам. Когда у него кончалась смена, он парковался у ларька, брал кофе и сидел в машине, глядя на район. Он видел всё. Иногда звонил мне. Иногда не звонил.

— Паш, тут мужик на мосту стоит. Уже час. Полицию вызвали, но они не едут — говорят, вызовов много, ждите. А он стоит. Может, ты подъедешь?

— Я не работаю психологом.

— Ты просто поговори с ним. У тебя ведь получается убеждать.

Я не ответил. Думал о том, сколько раз я уже говорил с людьми на краю. Не потому что умел. Потому что оказывался рядом. Потому что кто-то должен. Потому что больше некому.

— Паш?

— Какой мост?

Мост был пешеходный. Старая конструкция через овраг на окраине района. Бетонные опоры, исписанные граффити, ржавые перила, деревянный настил, который прогибался под ногами. Место тихое, неприметное — здесь гуляли только собачники и редкие парочки, которым некуда пойти. Сейчас никого не было. Только он.

Мужик лет сорока. Обычный. Не бомж, не алкаш, он был

чистый, в куртке, в ботинках. Куртка была старая, но целая, ботинки начищены. Он стоял по ту сторону перил, держался руками за поручень. Пальцы побелели от напряжения. Смотрел вниз. В овраге темнело — кусты, мусор, ручей, который шумел внизу, монотонно и глухо.

Я заглушил мотоцикл. Подошёл. Встал метрах в трёх — достаточно близко, чтобы говорить, достаточно далеко, чтобы не спугнуть. Закурил.

— Далеко собрался?

Он не обернулся.

— А ты кто?

— Паша. Лёха попросил подъехать.

— Лёха-таксист?

— Он самый.

Мужик кивнул. Помолчал. Потом сказал — глухо, как будто говорил не со мной, а с оврагом:

— У меня жена умерла. Полгода назад. Рак сожрал. Я дер-

жался. Работа, дом, всё такое. А сегодня иду с работы и понимаю, что больше не могу. Просто не могу зайти в квартиру. Там её вещи. Её запах. Её тапочки. Я стою у двери и не могу открыть. Час стоял. Потом пошёл сюда.

— Понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Я не знаю, что такое жена. Но я знаю, что такое пустота. Когда возвращаешься домой, а там ничего. Никто не ждёт. Никто не звонит. Тишина.

Я замолчал. Вспомнил свою квартиру. Свою кухню. Свою трещину на потолке. Я возвращался туда каждое утро. И каждое утро там было пусто. Я привык. Или мне казалось, что привык. Но иногда — не часто, но иногда — я стоял у двери и не мог открыть. Как он. Просто стоял. Просто ждал. Сам не знал чего.

Он повернул голову. Посмотрел на меня. Глаза красные, но сухие. Он не плакал. Просто смотрел. Глаза человека, который уже всё решил и теперь просто ждёт подходящего момента.

— Ты кто по жизни? — спросил он.

— Никто. Живу в районе. Решаю вопросы.

— Какие вопросы?

— Разные. Кого-то избили — звонят мне. Кто-то пропал

— звонят мне. Кто-то стоит на мосту — звонят мне.

Он усмехнулся. Усмешка была кривая, невесёлая.

— И что ты решаешь?

— Ничего. Просто приезжаю.

— И это помогает?

— Не знаю. Но ты спросил — я ответил.

Он отвернулся. Снова посмотрел вниз. В овраге уже совсем стемнело. Ручей шумел — тихо, монотонно, как белый шум в наушниках. Я курил и думал о том, что сам никогда не стоял на мосту. Но я стоял в других местах. В подъездах. В гаражах. На кухне. Везде, где можно стоять и думать. Я не хотел умирать. Но я не знал, зачем жить. Это разные вещи. Или нет.

— Знаешь, что самое страшное? — спросил он. — Не смерть. Смерть — это просто конец. Страшно, когда просыпаешься утром и понимаешь: тебе ещё жить. Ещё целый день. Ещё целая жизнь. А её нет. И не будет. И ты не знаешь, зачем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.